

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

КРАСНЫЙ СФИНКС

*История русской советской
фантастики
от В. Ф. Одоевского
до Б. Г. Штерна*

Книга вторая

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА
Т8 RUGRAM
2021

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П68

Прашкевич, Г.

П68 Красный сфинкс. Книга вторая / Г. Прашкевич. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 422 с.

ISBN 978-5-521-74045-1

Вторую книгу «Красного сфинкса» составили творческие биографии писателей, активно работавших в СССР. Имена многих и сейчас популярны в России. Гражданская война, восстановление разрушенного народного хозяйства, время террора, сломавшее, а то и уничтожившего не одного писателя, героические годы Отечественной войны, наконец, слом государственной системы, подточенной идеологическими сбоями, — всё это ярко, иногда трагически отразилось в произведениях Сергея Беляева, Александра Чаянова, Яна Ларри, Александра Казанцева, Юрия Долгушина, Ивана Ефремова и пришедших им на смену Георгия Гуревича, Сергея Снегова, Владимира Савченко, братьев А. и Б. Стругацких, Владислава Крапивина, Кира Булычева и многих-многих других. Дружба и личное общение со многими из них позволили Геннадию Прашкевичу создать живую картину невероятной эпохи, обещавшей так много.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74045-1

© Геннадий Прашкевич, текст, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ШПАНОВ

Родился 22 июня (4.VII) 1896 года в селе Никольско-Уссурийское (Приморская область). В 1898 году село преобразовано в город Никольск-Уссурийский (ныне город Уссурийск). Сын железнодорожного служащего. Окончил классическую гимназию. Поступил на кораблестроительный факультет Петроградского политехнического института, но проучился всего два курса – перешел в Военно-инженерное училище. В 1916 году окончил Высшую офицерскую воздухоплавательную школу. Воевал на фронтах Первой мировой войны, в 1918 году вступил добровольцем в Красную Армию. Почти четверть века отдал Военно-воздушному флоту страны: служил, редактировал журналы «Вестник воздушного флота», «Самолет».

В 1925 году в журнале «Всемирный следопыт» появился первый фантастический рассказ Ник. Шпанова (такое литературное имя он себе выбрал) – «Таинственный взрыв», а в 1926 году – книга очерков «Наш полет в лесные дебри» о приключениях аэростата «Авиахим СССР».

«Шпанов был высок, – вспоминал писателя фантаст Г. И. Гуревич. – Он чуть сутулился. Помню серо-седые волосы, кажется, очки. Биография у него была колоритная. Летал на воздушном шаре, совершил вынужденную посадку где-то в Коми. Написал об этом десять раз, понравилось».

Историю очерка, сделавшего имя Шпанова известным, он сам изложил в лаконичном предисловии, предпосланном книге «Красный камень», переизданной в Москве в 1957 году. Кстати, называлось предисловие чисто по-шпановски: «Голубеграмма из Усть-Сысольска».

«Судьбы писателей не одинаковы, – писал Шпанов. – Одним удастся с первого раза написать произведения, открывающие перед ними двери литературного Олимпа, другие по несколько десятков лет умудряются оставаться в рядах скромных середняков, не проникающих дальше олимпийской прихожей. Но от этого литератору не становится менее дорого то, что он сделал на протяжении своего литературного пути. С годами появляется опыт, обостряется глаз, повышаются вкус и требовательность к самому себе. Вместе с тем подчас какой-нибудь пустяк, сделанный много лет назад, сохраняет для автора свою ценность. Вероятно, тут играют роль ассоциации, связанные с этим забытым было пустяком.

Не знаю, как бывает у других, но мне до сих пор дорог небольшой очерк, написанный тридцать лет назад. Он ценен для меня тем, что это мое первое произведение, напечатанное в большом литературном журнале. Вероятно, в очерке нет особых литературных достоинств, но он – важная веха на моем жизненном пути. Очерк мил мне потому, что его я первым увидел в печати; потому, что после его опубликования я получил первые читательские письма; потому, что после его появления редакции впервые обратились ко мне, как к писателю.

А написан он был при таких обстоятельствах.

В один весенний день 1926 года – да простит мне читатель этот трафарет, но день был действительно прекрасен весенним теплом, светом, перезвоном трамваев и гулким цокотом подков на Никольской, где тогда еще не было ни потока автомобилей, ни густой толпы стремящихся в нынешний ГУМ, – в тот весенний день на моем редакционном столе позвонил телефон. В трубке я узнал голос главного инспектора Гражданской авиации Владимира Михайловича Вишнева.

- Вы живы? – спросил он.
- Пока да.
- И здоровы?
- Кажется...

– Странно, – удивленно проговорил Вишнев, – а у меня на столе лежит молния из Усть-Сысольска. Там поймали почтового голубя с голубеграммой: воздухоплаватели Канищев и Шпанов совершили посадку в тайге и просят помощи. Не знаю, стоит ли снаряжать спасательную экспедицию на тот свет? Ведь за истекшие полгода волки, наверно, обглодали их кости.

Мы оба рассмеялись. Речь шла о голубеграмме, отправленной Канищевым и мною полгода назад из таежных дебрей Коми.

Мы поговорили с Вишневым о «надежности» голубиной почты и на том расстались. Но в тот же день мне позвонил редактор «Всемирного следопыта» Владимир Алексеевич Попов. Он любил «открывать» писателей и умел подхватывать все, что интересно читателю. Из случайного разговора с Вишневым Попов узнал о голубеграмме. Теперь он просил меня описать свое таежное приключение...»

Очерковые книги Шпанова появлялись одна за другой.

В 1930 году – «По автомобильной Трансевразии. На автомобиле по Уссурийскому бездорожью». За нею «Подвиг во льдах» – о спасательной экспедиции ледокола «Красин» и «Во льды за «Италией» – (вступительную статью к этой книге написал знаменитый полярный летчик А. Б. Чухновский). Наконец, книга рассказов – «Загадка Арктики», а в 1931 году – фантастическая повесть «Земля недоступности», переизданная в 1932 году под названием «Лед и фраки». Впрочем, повести предшествовал еще фантастический рассказ «Льды и крылья» – (сочетание льда с чем-то всегда нравилось Шпанову, – Г. П.) – напечатанный еще в 1925 году в журнале «Самолет». Возможно, это первое описание в нашей фантастике воздушно-го боя между советским и американским пилотами.

«Михаленко немедленно повернул к югу и стал тоже подыматься.

Морозов осмотрел пулемет.

Еще в гражданскую войну Михаленко летал на красных самолетах и сбил в воздушном бою не один аэроплан.

Знакомое чувство приближающейся воздушной борьбы охватило Морозова. Он был почему-то уверен, что аэроплан противника не снизится и будет защищаться. «Лишь бы Михаленко не подгадил. Нужно взять высоту. Подойти сзади», – как яркие хлопья неслись мысли Морозова.

Самолет противника был ясно виден. Это была новая быстроходная американская машина, четырехместная. Но Морозов знал, что там, вероятно, только трое. Михаленко был прекрасный летчик. Он учитывал положение и силы своей машины. По мере того, как он приближался к американскому самолету, он уже понял, что его машина быстроходнее. Выигрывал противник преимущество только тем, что взял большую высоту...

В ту же минуту Морозов заметил, что американец начал стрельбу: над бортом его гондолы появилось дуло автоматического ружья. Михаленко сделал поворот. Высота была три тысячи метров. Пилот-американец, заметив это, сделал тоже поворот для того, чтобы зайти сзади русского аппарата. У него было еще и то превосходство, что автоматическое ружье в руках наблюдателя поворачивалось как угодно, не то что пулемет Морозова. Американец был опытен. Он вертелся, как юла, ухитряясь уходить от ливня пуль, которыми уже начал поливать Морозов теперь уже определенно враждебную пиратскую вооруженную машину. Но выстрелы по бортам чужого самолета были безрезультатны. Морозов не имел возможности поймать его в прицел.

Михаленко, заметив это, стал приближаться к вражескому аппарату. И, благодаря удачному маневру, он добился того, что американец потерял его из вида.

В тот же момент, заметив, что преследуемый аппарат находится впереди, что расстояние между самолетами сокращается, Морозов уже твердо почувствовал приближение победы. И он упорно расстреливал настигаемый самолет.

Вдруг противный аппарат накренился, закачался, хотя пропеллер продолжал вращаться. Вглядевшись, Морозов понял, в чем дело: пилот был смертельно ранен. Он безжизненно склонил голову. Но рано еще торжествовать победу: второй пилот или механик быстро взялся за управление и выправил свой аппарат. Они опять выиграли время, потому что Михаленко и Морозову казалось, что все кончено.

Американец пошел вниз, и Морозов опять перестал видеть так ясно, как он видел несколько минут тому назад, что делается во враждебной машине.

Но вот противник очутился внизу. С новой силой, пользуясь его ошибкой, Михаленко пикировал на него, а Морозов начал обстреливать. Не прошло и двух минут, как вражеский аэроплан с разбитым мотором нырнул и пошел крутым штопором вниз...»

Очень скоро военная тема стала одной из основных тем Шпанова.

В годы Великой Отечественной в Москве отдельными выпусками печатался его известный фантастический роман «Тайна профессора Бурого» с прекрасными рисунками художника П. Алякринского. Всего вышло шесть выпусков (1943–1944). Три из них в 1945 году были, как это ни странно, повторены в далеком Абакане. А в 1958 году роман переиздали в новой редакции под названием «Война невидимок».

Два старых добрых друга – моряк Павел Житков и летчик Александр Найденов встречаются в доме известного ученого профессора Бурого. Бурого и Житков работают над проблемой невидимости для флота, а Найденов занят вполне фантастическим «оптическим ухом». Вокруг профессора роятся шпионы – (деталь, весьма характерная для тех лет, – *Г. П.*). – Потом профессор таинственно исчезает, оставив непонятную записку о якобы ошибочности сделанных им научных открытий. Загадка в романе следовала за загадкой. Не случайно Кир Булычев позднее с некоторой горечью отмечал: «Шпанов как фантаст превосходил всех массолитовских писателей. Он казался мне

человеком, которому судьба подарила самородок. Вот он вытащил из тайги этот самородок – свой талант – и принялся, сутясь, отщипывать, отбивать, откалывать от него куски, пока весь самородок не промотал».

За «Войной невидимок» последовали повести «Ученик чародея» (1956) и «Похождения Нила Кручинина» (1956). За ними политические романы «Поджигатели» (1950) и «Заговорщики» (1952).

Шпанов одним из первых в СССР попытался рассказать о закрытых, никому неизвестных тайнах Второй мировой войны, столь кардинально перекоившей мир.

«Надо объяснить людям, – напоминал он читателям слова Ленина, – реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается».

С чрезвычайным пиететом отзывался о политическом всезнайстве Шпанова писатель Юлиан Семенов. «Если хочешь научиться чему-то, – писал он мне в одном из писем, – учись у того, кто умел хватать успех за хвост. Учись у Шпанова огромности темы, исторической насыщенности. Просто так – это не получается даже у ловкачей». И указывал на невероятное количество реальных, всем известных персонажей, действующих в романах Шпанова, Это и Сталин, и Рузвельт, и Гувер. Это Димитров, Гитлер, Кальтенбруннер, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Гесс, Даллес, капитан Рэм, короли и президенты, послы и писатели, физики и летчики.

И все же, заговорив о Шпанове, мы вспоминаем прежде всего военно-фантастическую повесть «Первый удар».

Отрывки из нее – «Гибель Сафара; Поединок» (с подзаголовком: «Главы из научно-фантастической повести «Двенадцать часов войны») – впервые появились в «Комсомольской правде» (август – ноябрь, 1936). В 1939 году повесть полностью напечатал журнал «Знамя». А отдельной книгой повесть о будущей войне вышла в том же 1939 году сразу в Воениздат, в ГИХЛе, в Гослитиздате, в Детиздате, в «Роман-газете» и в «Советском писателе». О том, что книгу специально торо-

пились донести до читателей, говорят выходные данные первого издания: сдано в производство 15 мая 1939 года, подписано к печати 22 мая 1939 года.

Темпы невероятные. И не случайные.

Реальная близкая война волновала всех.

«Фраза о мире – смешная, глупенькая утопия, пока не экспроприрован класс капиталистов», – эту фразу Ленина помнили. Войны ждали, войны боялись. Советских летчиков обожали, от советской авиации ждали чуда. Любопытно, что в те годы в советской фантастике успели отметиться чуть ли не все знаменитые летчики Герои Советского Союза. При этом Илья Мазурук («Незарегистрированный рекорд» и «Через два полюса») и Георгий Байдуков («Разгром фашистской эскадры. Эпизод из войны будущего») выступили не где-нибудь, а в «Правде», в самой главной партийной газете. В 1936 году Михаил Водопьянов опубликовал «Мечту пилота» в «Комсомольской правде». Этим он, кстати, не ограничился. «Старт: Новелла о ближайшем будущем» появилась в «Учительской газете» (1939), а пьеса «Мечта» – в журнале «Новый мир» (1940). Рассказ «Полет «Планеты» напечатал еще один летчик Герой Советского Союза – Александр Беляков.

Много шуму наделала в конце 30-х книга генерал-майора гитлеровской армии Франца Гальдера «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа». Речь в ней шла о будущей молниеносной войне. Именно молниеносной. Утром 9 июля армады германских бомбардировщиков берут курс на Париж, а вечером 12 июля «французский и бельгийский посланники в Гааге передали британскому правительству просьбу о немедленном заключении перемирия».

Такую книгу не могли не заметить в СССР.

Ответом ей стал роман П. Павленко «На Востоке».

Мариэтта Шагинян восторженно писала: «На Востоке» – замечательная книга. Если многие из писателей могли до сих пор делать свое дело мимо соседа, не зная и не читая чужих книг, то сейчас, после романа Павленко, с этим покончено. Не прочтя

и не учтя его, не устроив смотра собственным силам, не почистив собственную кухню, не поучившись и не «переквалифицировавшись» при помощи огромной удачи Павленко, писатель рискует сразу осесть, как дом от землетрясения».

«Павленко – большевик с хорошей биографией, – писала М. Шагинян. – Он много и умно читал, прежде чем стать писателем. Он вовсе не стыдился учиться у современного Запада. Но он «импортировал» западную литературную технику точь-в-точь так, как мы в начале пятилетки импортировали в Союз заграничную машиностроительную технику: он ее взял без сюжета, как машину капитализма. Западный способ письма, паузы в синтаксисе. Павленко взял эту технику, служащую на Западе как иллюзия, и заставил ее работать в своем романе как конвейер для облегченного развития действия. Получилось очень хорошо, получилось по-советски, получилась та самая заграничная марка, которую мы освоили у себя на заводе, и Стахановец гонит на ней такие нормы, о каких она дома не помышляет, а в то же время марка никому не грозит ни безработицей, ни затовариванием, ни кризисом, ни забастовкой».

Герои Павленко с упоением громили Японию в считанные дни.

Но у Ник. Шпанова получилось еще эффектнее. Его сталинские орлы громили фашистскую Германию не в дни, а буквально в считанные часы. Вполне вероятно, что и Павленко и Шпанов прекрасно знали, что будут услышаны. Еще в 1930 году Сталин – (в письме к Горькому, – *Г. П.*) – доступно объяснил, как следует готовить советский народ к грядущим потрясениям. «Мне кажется, – писал он, – что установка Воронского, собирающегося в поход против «ужасов» войны, мало чем отличается от установки буржуазных пацифистов». Партия, указывал Сталин, решительно против произведений, «рисующих «ужасы» войны и внушающих отвращение ко всякой войне (не только к империалистической, но и ко всякой другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей